

Ревель и Петербург в замысле Достоевского «<Картузов>»

А. О. Наседкин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: andrei.nasedkin.spb@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее разработанных нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского — повести о капитане Картузове (1868–1869). Действие произведения должно было разворачиваться в Ревеле и Петербурге. Эти города обретают значение не просто географических, а смысловых и символических полюсов планируемой повести. Особое внимание уделено тому, как ревельский текст «<Картузова>» вырастает из почти куртуазной поэзии главного героя, а петербургский пласт повести обозначается в черновиках через упоминание реальных топосов — гостиницы «Лондон» и трактира «Красный кабачок». В статье предпринята попытка осмысливать упоминание Риги в каллиграфической прописи на страницах рабочих материалов к повести. Петербург, Ревель и Рига встают в ряд «экскентрических городов», расположенных «на краю» культурного пространства. Дополнительное внимание уделено тому, как городские образы включаются в формирование характера Картузова и в общую тональность замысла. Анализ черновиков продемонстрировал, как на ранних этапах формирования идеи Достоевский конструирует пространство повести одновременно по принципам «столкновения» и «сопоставления». В заключении определены способы, при помощи которых Достоевский вводит и описывает городской локус в черновиках к повести.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Картузов, нереализованный замысел, Петербург, Ревель, черновые рукописи, художественное пространство, хронотоп, пространство, семиотика города

Для цитирования: Наседкин А. О. Ревель и Петербург в замысле Достоевского «<Картузов>» // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12. № 4. С. 75–96. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8321. EDN: OSOWBT

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2025.8321

EDN: OSOWBT

Reval and St. Petersburg in Dostoevsky's “<Kartuzov>”

Andrei O. Nasedkin

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russian Federation)

e-mail: andrei.nasedkin.spb@gmail.com

Abstract. The article focuses on one of Fyodor Dostoevsky's most elaborated unrealized projects — the story of Captain Kartuzov (1868–1869). The drafts are examined through the lens of Dostoevsky's

spatial poetics and the problem of constructing a fictional world. The action of the projected story was to unfold between Reval and St. Petersburg, which in Dostoevsky's notebooks acquire the status of not merely geographical but symbolic and semantic poles of the narrative. Special attention is given to how the Reval layer of "Kartuzov" emerges from the character's almost courtly poetic discourse, while the St. Petersburg fragments are defined through references to real topoi — the "London" Hotel and the "Red Tavern." The study also interprets the mention of Riga in the calligraphic drafts as part of the writer's spatial imagination. St. Petersburg, Reval, and Riga appear as "eccentric cities" located "on the edge" of cultural space. Additional attention is paid to how the urban imagery shapes Kartuzov's character and contributes to the overall tone of the narrative. The analysis of the drafts shows that at the early stages of conceptualization Dostoevsky constructs the story's spatial framework according to the principles of both "collision" and "comparison." The article concludes by identifying several techniques used by Dostoevsky to introduce and shape the urban locus in his preparatory notes.

Keywords: Dostoevsky, Kartuzov, unrealized project, St. Petersburg, Reval, drafts, manuscripts, spatial poetics, chronotope, space, semiotics of the city

For citation: Nasedkin A. O. Reval and St. Petersburg in Dostoevsky's "Kartuzov". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2025, vol. 12, no. 4, pp. 75–96. DOI: 10.15393/j10.art.2025.8321. EDN: OSOWBT (In Russ.)

Во время самого продолжительного своего пребывания в Европе (1867–1871), между работой над романами «Идиот» и «Бесы», Достоевский обдумывает план повести о капитане Картузове (1868–1869). Это один из самых разработанных нереализованных художественных замыслов писателя. При этом рабочие материалы к «Картузову» остаются лакуной в исследовании творчества Достоевского. Первая публикация черновиков относится к 1935 г. — они вошли в издание записных тетрадей Достоевского [Коншина]. Эти материалы сопровождались комментарием, составленным Е. Н. Коншиной в соавторстве с Н. И. Игнатовой. Через четыре года после их публикации, в 1939 г., в журнале «Русские записки» была напечатана статья «"Повесть о капитане Картузове" Достоевского» К. В. Мочульского, в которой была предпринята попытка выстроить фрагменты рабочих записей Достоевского в сюжетной последовательности [Мочульский]. В Полном собрании сочинений в 30 томах (1972–1990) публикация черновиков к «Картузову» [Д30; т. 11: 31–57] сопровождалась статьей и комментариями [Д30; т. 12: 322–326]. Современная научная литература, посвященная данному замыслу, ограничивается статьями Б. Н. Тихомирова «Метаморфозы одного литературного имени...» [Тихомиров, 2012] и «Басня капитана Картузова / Лебядкина "Жил на свете таракан..." (контексты интерпретации)» [Тихомиров, 2017а], а также статьей М. В. Загидуллиной из словаря-справочника «Достоевский: сочинения, письма, документы» [Загидуллина]. Вышеперечисленные работы, несмотря на их безусловную значимость для дальнейшего исследования повести, не исчерпывают все возможные направления, в которых можно рассматривать этот замысел. На данный момент ведется работа над дополнением комментариев к «Картузову» в 12-м томе нового Полного собрания сочинений и писем Достоевского в 35 томах.

В черновиках к ««Картузову»» Достоевский точно и эксплицитно обрисовывает художественное пространство повести. Оно представлено двумя городами, в которых разворачивается действие — Ревелем и Петербургом. Об этом свидетельствует еще первый план, разработанный писателем: «Ревель, воды, Картузов пленен амазонкой»; «Октябрь. Приезд Картузова в Петербург» [Д35; т. 11: 97–98]. Понятия пространства и хронотопа в контексте творчества Достоевского осмысляют в своих трудах многие исследователи: М. М. Бахтин, В. Н. Топоров, В. Н. Захаров, А. Н. Хоц, А. В. Денисова, И. В. Дергачева и др. Бахтин писал: «Основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Он видел и мыслил свой мир по преимуществу в *пространстве*, а не во времени» (курсив мой. — А. Н.) [Бахтин: 36]. Схожие категории поэтики пространства у Достоевского выделял А. Н. Хоц: «Со-существование, со-поставление, столкновение, лежащие в самой основе кризисной поэтики писателя, — суть феномены пространственного бытования» [Хоц: 51]. Действительно, даже на уровне рабочих материалов Достоевский руководствуется теми же принципами при построении художественного пространства: оно тесно связано с феноменами «столкновения», «сосуществования» и «взаимодействия».

Рассмотрим подробнее эти пространственные характеристики.

I. Ревель

Ревель — бывшее название города Таллин, территория которого с 1721 по 1917 г. входила в состав Российской империи [Laur, Tõnis, Mäesalu: 329–331], [Raun: 269]. Судьба Достоевского была довольно тесно связана с этим городом. В апреле 1838 г. в Ревельскую инженерную команду перевели брата писателя, М. М. Достоевского [Летопись: 49]. Известно, что в июле 1843 г. Ф. М. Достоевский впервые приехал в Ревель, чтобы навестить брата [Летопись: 84]. С той же целью писатель посещал город еще в 1845 и 1846 гг. [Летопись: 98, 117]. Ревель постоянно фигурировал в переписке Достоевского середины сороковых годов [Д30; т. 28, кн. 1: 49, 62, 74, 77, 85, 91, 109, 110 и др.]. Осенью 1847 г. М. М. Достоевский уволился со службы и вернулся в Петербург [Летопись: 137]. С Ревелем связаны и некоторые эпизоды литературной жизни писателя. Именно там молодой Достоевский работал над своими ранними текстами: в 1845 г. — над «Двойником», а в 1846 г. — над «Господином Прохарчиным» [Летопись: 99, 119]. В 1846 г. семья брата Михаила принимала у себя в Ревеле жену Белинского [Летопись: 115–119]. Неслучайно этот город будет ассоциироваться в сознании писателя с именем критика, что также отразится в одной из черновых записей к повести ««Картузов»»: «(Белинск<ий>, Тургенев, Герцен в Ревеле)» [Д35; т. 11: 137].

На первый взгляд, повесть о капитане Картузове построена по принципу контраста или «столкновения». Одно из вероятных названий повести — «Капитан Картузов» — заключает в себе антитезу: офицерское звание и пародийный характер имени, восходящего, по одной из версий, «к циклу эпиграмм кн. П. А. Вяземского на шишковиста П. И. Кутузова» [Серман: 598]. Ревель — по сути своей европейский город, принадлежавший в XIX в. Российской империи, — является наглядным воплощением этой же двойственности. Мы встречаем не так много записей о Ревеле на страницах черновиков к нереализованной повести, но все они содержат конкретные характеристики — это крупные мазки, при помощи которых Достоевский обрисовывает город:

«Ревель город приморский, в заливе, туда съезжаются купаться и т. д.»;

«Ревель. Город немецкий и имеющий претензию быть рыцарским...»;

«Ревель, Общество...» [Д35; т. 11: 117, 124].

Ревель становится органичным местом для появления комического героя, капитана Картузова. Приведем полностью одну из вышеупомянутых характеристик города:

«Ревель. Город немецкий и имеющий претензию быть рыцарским, что, почему-то, очень смешно (хотя он и действительно был рыцарским)» [Д35; т. 11: 117].

Статус европейского города в данном случае поддерживался тем, что политическая, экономическая и культурная власть в Остзейских губерниях находилась в руках местного немецкого дворянства и бургерства [Геополитическая карта: 242–243]. Отсюда и «претензия быть рыцарским», которую с Ревелем разделяет и сам капитан Картузов. Город и герой оказываются родственными в этом стремлении. Это отмечал еще К. В. Мочульский: «Для "смешного рыцаря" Картузова найдено достойное место действия: "смешной" рыцарский город Ревель» [Мочульский: 79]. В указанном выше фрагменте черновика ироничность передана в конфликте выбираемых автором временных форм: «имеющий претензию быть рыцарским» (настоящее время) и «действительно был рыцарским» (время прошедшее). Другими словами, писатель указывает на то, что рыцарство в Ревеле XIX в. — черта атавистическая.

Одна из особенностей поэтики Достоевского, отмечаемая исследователями, состоит в необыкновенно тесной связи пространства с героем (см.: [Хоц: 52]).

На страницах черновиков всякий раз подчеркивается нелепость Картузова:

«Самый неловкий человек, которого я только знаю. Вообще вся повесть могла называться: *Рассказ о неловком человеке*» [Д35; т. 11: 97].

Альтернативное название повести довольно точно отражает ее содержание: капитан Картузов (комический «Дон Кихот», появляющийся в творчестве Достоевского после «Дон Кихота» трагического, князя Мышкина) влюбляется в свою «Дульсинею», амазонку Екатерину Григорьевну Кармазину (в одном из стихотворений Картузова героиня названа Елизаветой), приехавшую вместе с женихом, графом, в Ревель; Картузов сочиняет своей возлюбленной стихи (позже «унаследованные» капитаном Лебядкиным в «Бесах»), вызывает графа на дуэль (которая так и не состоялась), дает ему пощечину, после которой Картузова арестовывают и по настоянию графа помещают в сумасшедший дом «на испытания»; в сумасшедшем доме Картузов сочиняет свою знаменитую басню «Жил на свете таракан...» и умирает. Эта история рассказана от лица друга и конфидента Картузова, который своей отстраненностью, своим неучастием в повествуемых событиях напоминает Хроникера из будущих «Бесов».

«Претензия» Картузова на рыцарство выражена не только на сюжетном, но и на литературном уровне. Ю. М. Лотман определял городское пространство как «сложный семиотический механизм, генератор культуры», который представляет собой соединение «текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман: 282]. Обратим внимание на еще одно важное замечание Лотмана: «Город — механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сополагаться с настоящим как бы синхронно. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени» [Лотман: 282–283]. Это наблюдение применимо и к замыслу Достоевского: нелепая поэзия капитана Картузова «взывает» к средневековому прошлому Ревеля.

Как известно, любовь к замужней женщина была одной из частых тем в поэзии трубадуров и миннезингеров. Обратимся, например, к сочинениям Вальтера фон дер Фогельвейде, немецкого поэта и яркого представителя классического миннезанга XII–XIII вв.:

«Влюблен давно, любви служу;
Обделен, я счастья жду,
По награде я в досаде вновь тоскую;
И в досаде по награде я тужу,
Глуп и мал, попал в беду
И похвал не жду за песнь такую»¹.

Для миннезингера любовь — отнюдь не радостное чувство, поскольку эта любовь не может быть разделена, она всегда остается безответной:

¹Фогельвейде В., фон дер. Стихотворения. М.: Наука, 1985. С. 37. (Сер.: Лит. памятники.)

«Если б я тропой неразделимой
 В песнях, плясках вместе сквозь года
 Шел, цветы срывая для любимой,
 С нею связан дружбой навсегда,
 Осушая вместе хмельный кубок,
 Поцелуй срывая с алых губок,
 Мук любви не знал бы я тогда»².

Сочинения Картузова так же непосредственны и прямолинейны. Они исполнены самоуничтожения, иронии, страданий по возлюбленной. Очевидно, что Кармазина в поэзии Картузова выступает в роли недосягаемой Прекрасной Дамы (так же называл Кармазину в своей статье Б. Н. Тихомиров [Тихомиров, 2017а: 601]). В стихотворениях героя Достоевского мы усматриваем еще одну важную для куртуазной литературы черту — соединение эротизма и высоких духовных устремлений лирического героя. Отмечено, что куртуазная литература «непросто вписывается в систему христианских ценностей», «подчеркнутому спиритуализму церковного мировоззрения с его резким осуждением преходящей земной радости» противопоставляется «эстетическое оправдание и прославление плоти», и в связи «с этой новой, светской, религией вырастает новая этика»: «в облике дамы куртуазный влюбленный поклоняется вновь открытым ценностям — совершенной человеческой личности, утверждению земной радости» (см.: [Смолицкая: 254], [Шор: 761]). Проследим это на примере одного из картузовских сочинений:

«О, как мила она,
 Елизавета Кармазина,
 Когда с знакомым на седле летает,
 А локон ее с ветрами играет,
 Или когда в церкви вместе с матерью падает ниц,
 И зрится лишь румянец благоговейных лиц.
 Тогда молюсь и трепещу и наслаждений желаю
 И ей вслед с матерью слезу мою посылаю» [Д35; т. 11: 103].

Здесь проявляется характерное для всего замысла соединение, казалось бы, несовместимых образов и мотивов: в сакральном пространстве церкви лирический герой сосредоточен на «румянце благоговейных лиц», а во время молитвы он жаждет наслаждений — вероятно, эротического характера. В духе куртуазной поэзии герой Достоевского возвышает телесное и придает своим желаниям почти религиозный пафос. Об этом же, несколько в ином ключе и уже в отношении Лебядкина, писал В. Ф. Ходасевич: «Поэзия Лебядкина есть искажение поэзии, но лишь в том смысле и в той же

² Фогельвейде В., фон дер. Стихотворения. С. 144.

мере, как сам он есть трагическое искажение человеческого образа. <...> Трагикомизм Лебядкина — в том, что у него высокое содержание невольно облекается в низкую форму» [Ходасевич: 199].

Параллель между сочинениями Картузова и поэзией миннезингеров неслучайна. Вальтер фон дер Фогельвейде творил в эпоху расцвета западноевропейской рыцарской поэзии, и сама рыцарская тема неоднократно поднималась в сочинениях миннезингеров:

«Прошу, внемлите, госпожа,
Есть некий рыцарь — он готов,
Душой и телом вам служа,
Вам жизнь отдать без дальних слов»³.

Рыцарская топика характерна для творчества Достоевского конца 1860-х гг. В романе «Идиот» она была обусловлена первоначальным замыслом описания «положительного прекрасного человека», тесно связанным с образом Дон Кихота, и была подкреплена пушкинскими реминисценциями. Применительно к «Идиоту» о влиянии куртуазной литературы писал И. И. Евлампьев: «Весьма вероятно, что концепцию мистического супружества как резкой религиозной альтернативы ортодоксально-христианскому негативному отношению к женщине и к половой любви Достоевский прежде всего воспринял в той художественной форме, которую ей придали средневековые рыцарские поэты — трубадуры, трубадуры и миннезингеры. <...> В пользу того, что Достоевский именно из литературы, основанной на идеале "куртуазной" любви, позаимствовал знание о гностической концепции мистического брака, свидетельствует тот факт, что в романе "Идиот" Достоевский характеризует отношения Мышкина и Настасьи Филипповны с помощью истории "рыцаря бедного" на тему стихотворения Пушкина, посвященного как раз средневековой рыцарской любви» [Евлампьев: 32].

В случае с «<Картузовым>» рыцарская тема обозначается выбором места действия повести, а реализована она в почти куртуазной поэзии главного героя, которая как нельзя очевиднее отражает комическую сторону его рыцарства. И, что важнее для нас, именно сочинения Картузова, отсылающие к трубадурам и миннезингерам, превращают Ревель Достоевского в отражение «разноустроенных» «текстов и кодов», о котором писал Лотман. У нас нет прямых свидетельств знакомства Достоевского с куртуазной поэзией, но факт его пребывания в Европе в момент работы над повестью существенно повышает шансы на то, что у писателя был доступ к средневековым памятникам западноевропейской литературы.

Вернемся к еще одной характеристике Ревеля, встречающейся в черновиках к повести: «Ревель, Общество...» [Д35; т. 11: 124]. Упоминание ревельского

³ Фогельвейде В., фон дер. Стихотворения. С. 26.

общества прокомментировано в первом *ЛСС* [Д30; т. 12: 323–324]. Действительно, наиболее говорящим в данном случае оказывается воспоминание А. Е. Ризенкампфа о впечатлениях Достоевского, переданное О. Ф. Миллером:

«Пришлось, однако, познакомиться и с ревельским обществом, и оно, по свидетельству д-ра Ризенкампфа, "своим традициональным, кастовым духом, своим непотизмом⁴ и ханжеством, своим пietизмом, разжигаемым фанатическими проповедями тогдашнего модного пастора гернгутера Гуна, свою непримостью особенно в отношении военного элемента", произвело на Достоевского весьма тяжелое впечатление. Оно так и не изгладилось в нем во всю жизнь. Он был тем более поражен, что ожидал встретить в культурном обществе здоровые признаки культуры. "С трудом я мог убедить Федора Михайловича, говорит д-р Ризенкампф, что все это — только местный колорит, свойственный жителям Ревеля... При своей склонности к генерализации, он возымел с тех пор какое-то предубеждение против всего немецкого"»⁵.

Фигура пастора Гуна оказывается чрезвычайно важной в понимании того, как выглядело ревельское общество во время визита Достоевского в этот город. Важную справку о пасторе приводит в своей статье «Поездки Ф. М. Достоевского в Ревель» А. М. Конечный: «Август-Фердинанд Гун (1807–1871) окончил богословский факультет Дерптского (Тартуского) университета (1826–1829); с 1832 года и до конца жизни был помощником пастора в ревельской церкви Св. Олайя. В 30-х годах Гун переходит от рационализма (направление в протестантстве, основанное на критическом изучении священного писания) к пietизму — проповеди строгого благочестия и религиозного подвижничества в повседневной жизни. Обращение пастора-рационалиста к пietизму (практически — к гернгутерству), о котором он говорил в местном синоде в 1836 году, было большим событием в религиозной жизни города. Гун, как проповедник и духовный писатель, оказывал огромное влияние на прихожан. К моменту приезда Достоевского Гун выступает как ярый приверженец нового учения и, естественно, является постоянным предметом разговоров местного общества. И хотя у Достоевского не встречается упоминание о Гуне, пастор, несомненно, был известен писателю» [Конечный: 130–131].

Из этой справки становится понятным, что имел в виду Ризенкампф, говоря о «традициональном, кастовом духе», о «непотизме» и «ханжестве» ревельского общества.

⁴ Непотизм (от лат. *peros*, род. п. *perotis* — внук, племянник) — практика предоставления высокопоставленными сановниками доходных или почетных должностей, званий своим родственникам и др. близким лицам.

⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского: с портр. Ф. М. Достоевского и прил. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 51 (1-я паг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003596132?page=29&rotate=0&theme=white> (11.09.2025).

Что нам еще известно о круге, к которому был причастен Картузов? На страницах черновиков мы встречаем запись, явно относящуюся к рассказчику, другу Картузова:

«Я случайно принадлежал, или, точнее, не принадлежал, был особенно связан с маленькой кучкой офицеров, по береговым постройкам. Из молодежи было несколько веселых людей; но всех более внимания возбуждал тогда между нами капитан Картузов. Он был вновь определившийся, перешедший из какой-то крепости» [Д35; т. 11: 117–118].

Не можем не отметить косвенную параллель с биографией брата писателя: «маленькая кучка офицеров, по береговым постройкам» — эти детали описания, вполне вероятно, были вдохновлены впечатлениями о Ревельской инженерной команде, в которой служил М. М. Достоевский. В следующей за этой записи подчеркивается разобщенность круга, к которому принадлежал Картузов:

«В клуб. Общей связи между посетителями не было. Не было общего воксала» [Д35; т. 11: 118].

Мы еще вернемся к характеристике Ревеля как «города приморского», а пока резюмируем то, каким он предстает перед нами на данный момент: карикатурный «немецкий» город, с «претензией» на рыцарство, внемлющий пietическим проповедям Августа-Фердинанда Гуна и вдохновляющий «миннезингера» Картузова на стихи к своей «Прекрасной Даме».

II

Петербург

Финал нереализованной повести о капитане Картузове, судя по всему, должен был разворачиваться в Петербурге:

«Октябрь. Приезд Картузова в Петербург. Предложение. Хромая призывает его» [Д35; т. 11: 98].

Хромой здесь называется Кармазина, которая к этому эпизоду повести уже сломала ногу. О случившемся Достоевский не говорит напрямую, но, вероятнее всего, это произошло вследствие падения с лошади, что замечает и Мочульский: «Дуэль так и не состоялась: в тот же день "амазонка" упала с лошади и сломала себе ногу» [Мочульский: 87]. Именно после этого Картузов сочиняет стихотворение «Краса красот сломала член...», которое в измененном виде появится уже за авторством Лебядкина в романе «Бесы» — там оно фигурирует как написанное «по случаю» («В случае, если б она [Лизавета Тушина] сломала ногу» [Д35; т. 10: 230]). В указанном выше стихотворении Картузов делает предложение Кармазиной:

«Краса красот сломала член
И интересней втрое стала,
И втрое сделался влюблен
Влюбленный и до члена немало.

<...>

Позвольте же любовь излить,
Принять извольте предложение,
Чтоб в браке вместе член забыть,
А с оставшимся изведать законное наслаждение»

[Д35; т. 11: 115–116].

В своих черновиках Достоевский отмечает:

«Картузов воспламенен и делает предложение, для этого для тона переезжает в гостиницу "Лондон". Стихи, объяснение с ней» [Д35; т. 11: 102].

Гостиница «Лондон» располагалась в доме Г. Г. Гейденрейха (см. *Илл. 1–2*) — здании, с которого начинается Невский проспект. Там же находились «Английский магазин» и «Немецкая лавка». Картузов неслучайно переезжает в гостиницу «Лондон» «для тона» и объясняет это тем, что «там стоят самые значительные лица» [Д35; т. 11: 110]. Дело в том, в «Лондоне» в разное время останавливались А. Мицкевич (1824) и А. И. Герцен (1839) [Кириков, Кирикова, Петрова: 16–19].

Достоевский поселяет своего героя в отель с «географическим» названием, которое прекрасно вписывается в рыцарскую линию, выстраиваемую в повести о Картузове. Англия сыграла важнейшую роль в развитии жанра рыцарского романа. М. П. Алексеев указывает, что «англо-нормандские и французские поэты в конце XII — начале XIII в.» перерабатывали кельтские сказания в «куртуазно-рыцарском духе»: именно так появились «стихотворные рыцарские романы артуровского цикла, впитавшие в себя ряд сказаний, первоначально не имевших к нему никакого отношения. Англо-нормандские и французские поэты превратили двор короля Артура в средоточие идеальной рыцарской культуры и сочетали с ним ряд развившихся, но первоначально обособленных преданий» [Алексеев: 107]. Таким образом, упоминание гостиницы «Лондон» в черновиках к ««Картузову»» расширяет как географическое, так и символическое пространство повести.

Еще один петербургский топоним, фигурирующий в набросках к неосуществленному произведению Достоевского — «Красный кабачок» (см. *Илл. 3*).

«Красный кабачок» — известный еще со времен Петра I трактир, расположенный на Петергофской дороге [Богданов]. Название трактира трижды фигурирует в черновиках к ««Картузову»»:

«А есть там под Петербургом "Красный кабачок", так там все генералы и самые значительные из камергеров собираются»;

«NB. Наменял золота перед отъездом в "Красный кабачок";
«Поездка в "Красный кабачок", ничего не нашел. Драка с половым» [Д35; т. 11: 110].

«Красный кабачок» упоминается также в поэме М. Ю. Лермонтова «Монго»:

«Вдоль по дороге в Петергоф, <...>
Там есть трактир... и он от века
Зовется Красным Кабачком...» [Лермонтов: 341].

Илл. 1-2. И. И. Шарлемань. Адмиралтейская площадь (ок. 1850).
Дом Гейнденрейха (1901)⁶

Fig. 1-2. I. Charlemagne. Admiralteyskaya Square (roughly 1850).
The Heindenreich House (1901)

⁶ Источники снимков: PastVu: Retro View of Mankind's Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://pastvu.com/p/458629> (11.09.2025); PastVu: Retro View of Mankind's Habitat [Электронный ресурс]. URL: <https://pastvu.com/p/126616> (11.09.2025).

Обратим внимание, что оба упоминаемых в черновиках к «<Картузову>» петербургских топонима так или иначе ассоциируются с высшим обществом, что намеренно подчеркивается Достоевским: в случае с гостиницей «Лондон» сказано, что «там стоят самые значительные лица», в случае же с «Красным кабачком» упомянуты «генералы и самые значительные из камергеров» [Д35; т. 11: 110]. Обе записи расположены на одной странице рабочей тетради. Стремление Картузова оказаться в ряду «значительных лиц», как и эпизод драки с половым в трактире, усиливают его карикатурность. Драки и правда становились регулярным явлением в «Красном кабачке», о чем говорит М. Н. Лукашев: «Не следует думать, что это были всего лишь тривиальные ссоры в питейном заведении. Вовсе нет! <...> И главный интерес для молодых гуляк представляла даже не сама потасовка, а предшествовавший ей фривольный розыгрыш немецких посетительниц трактира. Ссора же становилась неизбежным финалом такого розыгрыша, поскольку вполне естественно, немцы решительно выступали на защиту своих дам» [Лукашев: 88]. Если драка в рамках сюжета повести носила именно такой характер, она бы дополнила портрет Картузова и подчеркнула ироничную природу его «рыцарства», предполагавшего верность Прекрасной Даме.

Илл. 3. Трактир «Красный кабачок» (1907)⁷

Fig. 3. The Tavern “Krasnyy kabachok” (1907)

⁷ Источник снимка: Трактиры и кабаки, светские рестораны и «дамские чайные»: как рождалось общественное питание Петербурга // Правила жизни. 28.08.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravilamag.ru/letters/756335-traktiry-i-kabaki-svetskie-restorany-i-damskie-chainye-kak-rojdalos-obshchestvennoe-pitanie-peterburga/> (11.09.2025).

На страницах черновиков к ««Картузову»» мы находим запись, сделанную от лица рассказчика:

«Я отнюдь не литератор и поэт, прежде всего не поэт, но *мне многое страшно в Петербурге*. Конечно, всё это более было в юности, в век неопытности и впечатлений. Но, несмотря на лета, все-таки иногда... и т. д.» (курсив мой. — А. Н.) [Д35; т. 11: 111].

Расшифровать эту характеристику Петербурга позволяют «Зимние заметки о летних впечатлениях» («Одним словом, вся эта *заказная и приказанная Европа удивительно как удобно уживалась у нас тогда, начиная с Петербурга — самого фантастического города*, с самой фантастической историей из всех городов земного шара» [Д35; т. 5: 65]) и «Записки из подполья» («Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, *имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченному и умыщленном городе* на всем земном шаре. (Города бывают умыщленные и неумышленные.)» (курсив мой. — А. Н.) [Д35; т. 5: 114]). Во всех трех случаях мы видим, как Достоевский обрисовывает образ города через эмоцию или впечатление, которое возникает у человека, оказавшегося в нем: чувство страха, ощущение несчастья, фантастичности, «умышленности», отвлеченности. Характеристика Петербурга как города, в котором «многое страшно», продолжает сложившуюся в начале XIX в. традицию Петербургского текста, который, по словам В. Н. Топорова, «при любой антитезе все-таки ориентирован на тот полюс, где плохо, где страшно, где страдают» [Топоров: 30].

Облик Петербурга вступает также в контраст с тем, как преподносится на страницах черновиков к ««Картузову»» Ревель: «смешной» город, «имеющий претензию быть рыцарским», и город, в котором «многое страшно». Кроме того, это характерное для Достоевского (а особенно — на рубеже 1860–1870-х гг.) противопоставление Запада и Востока и сюжет «путешествия героя» из европейского пространства (как указано выше, принадлежность Ревеля Российской империи имела скорее формальный характер) в пространство России. Этот сюжет наиболее очевидно представлен в романе «Идиот», над которым Достоевский работает, параллельно обдумывая ««Картузова»»: князь Мышкин приезжает из лечебницы в Швейцарии, куда возвращается в конце романа. Тот же сюжет встречается и в «Бесах»: например, рассказ Хроникера о странствиях Ставрогина («Наш принц путешествовал три года с лишком <...> он изъездил всю Европу...» [Д35; т. 10: 47]). Это наиболее любопытно с той точки зрения, что все три произведения — «Идиот», ««Картузов»» и «Бесы» — обдумываются Достоевским во время самого длительного его пребывания в Европе.

Тем не менее было бы несправедливо утверждать, что Петербург в художественной оппозиции Востока и Запада является адекватным воплощением Востока. Репутация «Северной Венеции» «умышленно» выстраивалась на подражании европейским образцам. Более того, ставшее общим местом противостояние Петербурга и Москвы всегда заключает в себе столкновение западного и восточного в русской культуре, о чем пишет и В. Н. Топоров: «...Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне» [Топоров: 16]. Этот статус закрепился за Петербургом в литературной традиции XIX в. — начиная с пушкинских строк «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно» [Пушкин: 274] и за-канчивая рассуждениями Гоголя об «общем выражении» Петербурга:

«Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию: так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения...» [Гоголь: 179]⁸.

Достоевский продолжает эту традицию, что мы видим в приведенных ранее цитатах. И в рамках разговора о повести «<Картузов>» мы можем взглянуть на Петербург как на город, родственный Ревелю, а не противопоставленный ему. Другими словами, два этих пространства могут быть соотнесены по принципу «существования» и «взаимодействия», возвращаясь к замечанию Бахтина (см. выше, с. 77).

Родство городов подчеркивает появление еще одного топонима: на страницах черновиков к повести мы встречаем упоминание Риги.

III Рига

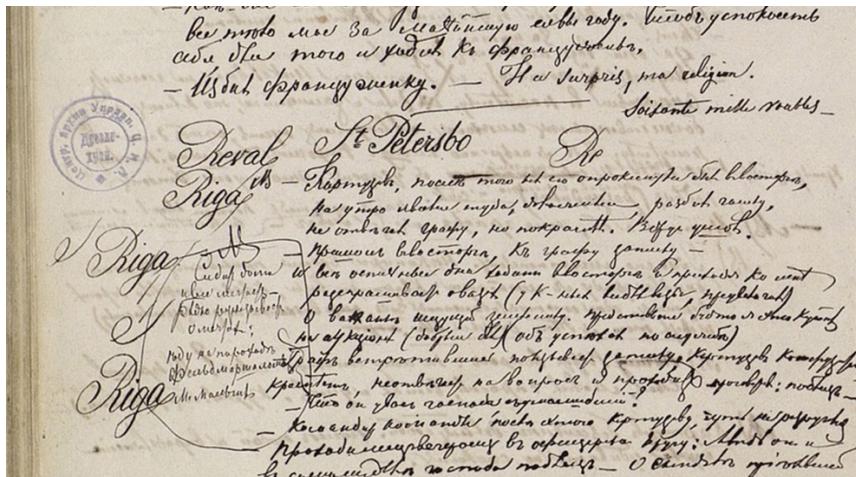
На одной из страниц черновиков к повести «<Картузов>» мы находим каллиграфические прописи с названиями городов: “*Reval*”, “*Riga*”, “*St. Petersbo<urg>*”⁹ (см. Илл. 4).

Если в случае с прописями “*Reval*” и “*St. Petersbo<urg>*” ясно, как они связаны с контекстом замысла, то пропись “*Riga*” вызывает вопросы, поскольку непосредственно в набросках к нереализованной повести Рига не фигурирует. Однако в этом списке городов мы можем проследить закономерность. Во-первых, как и Ревель, Рига — центр Рижской губернии — на

⁸ Как известно, на возникновение антиномии «Москва — Петербург» повлияли, помимо литературной традиции, и идеологические дискуссии — с особой остротой это противопоставление проявилось в полемике славянофилов и западников (см.: [Исупов: 14, 18, 25, 27]).

⁹ РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 96.

момент работы над «<Картузовым>» тоже входила в состав Российской империи [Геополитическая карта: 242–243].

Илл. 4. Каллиграфические прописи на странице с набросками к повести «<Картузов>»

Fig. 4. Calligraphic inscriptions on the page with draft notes for the story "Kartuzov"

Во-вторых, все перечисленные в этом ряду города — прибрежные (Достоевский в одной из немногих записей, относящихся к описанию Ревеля, называет его «приморским» городом, упоминает «береговые постройки» и т. д., см. выше). Лотман пишет о близости к берегу как об одном из маркеров «эксцентрического города»: «Эксцентрический город расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, — с другой» [Лотман: 277]. Этот общий признак всех трех упоминаемых городов заставляет нас задуматься о том, что Достоевский в повести о капитане Картузове не столько «сталкивает» друг с другом различные пространства, сколько создает художественное целое. Неважно при этом, рассматривал ли писатель Ригу в качестве одного из мест действия повести, — этот принцип работает в любом случае. Сходства между Петербургом, Ревелем и Ригой больше, чем отличий: прибрежность, «европейскость», принадлежность к Российской империи. На карте они представляют собой три равноудаленные друг от друга точки, выстраивающиеся в своеобразную прибрежную дугу (см. Илл. 5). Отметим здесь, что расстояние между двумя крайними точками, Петербургом и Ригой (~575 км), меньше, чем расстояние

между двумя столицами, Петербургом и Москвой (~707 км), что в очередной раз подчеркивает не просто культурную, но и географическую близость упоминаемых в черновиках к «<Картузову>» городов.

Илл. 5. Петербург, Ревель и Рига на карте России
(из учебного атласа под ред. Е. Е. Замысловского, 1869)¹⁰

Fig. 5. Petersburg, Reval, and Riga on the map of Russia
(from the atlas edited by E. E. Zamyslovsky, 1869)

Продуктивным видится не столько противопоставление двух повествовательных центров планируемой повести — Ревеля и Петербурга, — сколько стремление найти закономерности в выборе этих топосов. Петербург — город трагический в своей «искусственности» (мы наблюдаем это в «Пиковой даме», «Медном всаднике» Пушкина, в «Петербургских повестях» Гоголя, во многих произведениях Достоевского); Ревель же в этой «искусственности» комичен. Возвращаясь к мысли о том, что пространство у Достоевского разворачивается в связи с внутренним миром персонажа (см. выше, с. 78), отметим, что именно так рождается капитан Картузов: на пересечении двух городов — герой, соединяющий в своей судьбе комическое (Ревель, «смешное» рыцарство, нелепые стихи) и трагическое (Петербург, неразделенная любовь, помещение в сумасшедший дом и трагическая смерть).

В черновиках к «<Картузову>» мы наблюдаем несколько разных способов введения и описания городского пространства. Подчеркнем, что специфика в данном случае обусловлена отсутствием завершенного произведения. К этим способам относятся:

¹⁰ См.: Учебный атлас по русской истории / сост. и изд. под ред. Е. Замысловского. 2-е изд. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1869.

- 1) Топографические штрихи: «Ревель город приморский, в заливе, туда съезжаются купаться...» [Д35; т. 11: 117];
- 2) Культурно-исторические характеристики: «Ревель. Город немецкий и имеющий претензию быть рыцарским...» [Д35; т. 11: 117];
- 3) Социальные срезы: «Ревель, Общество...» [Д35; т. 11: 124];
- 4) Литературные коды: творчество капитана Картузова, напоминающее (умышленно или нет) поэзию трубадуров и миннезингеров и предвосхищающее эстетику обэриутов¹¹;
- 5) Топонимика: гостиница «Лондон» в Петербурге как символический «мост» между Востоком и Западом; известный своими драками и кутежами трактир «Красный кабачок», появившийся в Петровскую эпоху и упоминаемый в литературных текстах;
- 6) Субъективное восприятие города повествователем: «...мне многое страшно в Петербурге» [Д35; т. 11: 111];
- 7) Сюжет перемещения героя из условно «европейского» (или шире — западного, как в случае с воспоминаниями Шатова о поездке с Кирилловым в Америку) пространства в пространство России: влюбленность и стихи Картузова в Ревеле, кутеж и сумасшедший дом в Петербурге;
- 8) Принцип контраста или «столкновения»: противопоставление коми-чески-романтического начала повести в Ревеле и трагического финала в Петербурге; разница между «смешным рыцарским» Ревелем и «страшным» Петербургом;
- 9) Принцип «сопоставления»: города, упоминаемые в черновиках к повести, оказываются родственными по целому ряду признаков — от их географического расположения (близость к берегу) до их европейского духа.

Таким образом, пространство в повести о капитане Картузове выстраивается при помощи практически взаимоисключающих приемов, а именно: антитезы и параллелизма, «сосуществования» и «взаимодействия». Это характерная черта поэтики Достоевского. Тогда как контрасты лежат на поверхности, сближения не так заметны и требуют читательского и исследовательского внимания.

¹¹ Применительно к обэриутам пишут о влиянии на них стихотворных опытов Лебядкина в «Бесах» (см.: [Улановская: 67]). Стоит учитывать, что эти стихи произрастают как раз из черновиков повести ««Картузов»» (см.: [Тихомиров, 2017b: 64–74]).

Список литературы

1. Алексеев М. П. Литература средневековой Англии и Шотландии. М.: Высшая школа, 1984. 351 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. С. 7–300.
3. Богданов И. А. «Красный кабачок», трактир // Санкт-Петербург: энциклопедия. СПб.; М.: РОССПЭН, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://encspb.ru/object/2855699979?dv=2853952566&lc=ru> (11.09.2025).
4. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина; предисл. Е. Г. Новиковой. Томск: Томский гос. ун-т, 2021. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/view_book/3161/ (11.09.2025). (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
5. Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8: статьи. С. 177–190.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022-. Т. 1–11. [Д35]
8. Евлампиев И. И. Тезис Ф. М. Достоевского «Мир спасет красота» и его религиозные и культурные истоки // Вестник культурологии. 2021. № 4 (99). С. 23–43 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47240566_70296761.pdf (11.09.2025). DOI: 10.31249/hoc/2021.04.02. EDN: NHIWMW
9. Загидуллина М. В. Картузов // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост., науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкин. Дом, 2008. С. 305–306. (Сер.: Достоевский и русская культура.)
10. Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва — Петербург: pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания: антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 6–78. (Сер.: Русский путь.)
11. Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В. Невский проспект. Дом за домом. М.; СПб.: Центрполиграф: Русская тройка-СПб, 2013. 413 с.
12. Конечный А. М. Поездки Ф. М. Достоевского в Ревель // Альманах библиофила. М.: Книга, 1983. Вып. 15. С. 126–133.
13. Коншина Е. Н. От редактора // Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печ. Е. Н. Коншиной; comment. Н. И. Игнатовой, Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. С. 13–31 [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/R4ztxUvA7pLnP?ysclid=mipqnt9rjb17898275> (11.09.2025). (Сер.: Русские мемуары, дневники, письма и материалы.)
14. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. Т. 2: Поэмы. 1828–1841. 704 с.
15. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. СПб.: Акад. проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 536 с.
16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.

17. Лукашев М. Н. «Пушкин учил меня боксировать...» // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Наука, 1991. Вып. 24. С. 83–96 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v91/v91-083-.htm> (11.09.2025).
18. Мочульский К. В. «Повесть о капитане Картузове» Достоевского // Русские записки. Париж, 1939. № 14. С. 75–98 [Электронный ресурс]. URL: <https://emigrantika.imli.ru/images/pdf/rus-zap14.pdf> (11.09.2025).
19. Пушкин А. С. Медный всадник: петербургская повесть, 1833 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 4: Поэмы. Сказки. С. 273–288.
20. Серман И. З. Стихи капитана Лебядкина и поэзия XX века // *Revue des études slaves*. Paris, 1981. Tome 53. Fascicule 4. С. 597–605 [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_4_5173 (11.09.2025).
21. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 253–255. (Сер.: *Summa culturologiae*.)
22. Тихомиров Б. Н. Метаморфозы одного литературного имени: о происхождении фамилии заглавного героя неосуществленного замысла Достоевского «<Картузов>» // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 326–341. (Сер.: Б-ка альманаха «Достоевский и мировая культура».)
23. Тихомиров Б. Н. Басня капитана Картузова/Лебядкина «Жил на свете таракан...» (контексты интерпретации) // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 600–603 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32235335_72043588.pdf (11.09.2025). EDN: YKWMRE (a)
24. Тихомиров Б. Н. «Жил на свете таракан...»: стихи Ф. М. Достоевского и его персонажей. «Витязь горестной фигуры...»: Достоевский в стихах современников / [сост., подгот. текста, примеч., послесл. Б. Н. Тихомирова]. М.: Бослен, 2017. 240 с. (b)
25. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 616 с. EDN: VNJOIJ
26. Улановская Б. «Может ли солнце рассердиться на инфузорию...» // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 1993. № 1. Ч. 3. С. 67–83.
27. Ходасевич В. Ф. Поэзия Игната Лебядкина // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. С. 194–201.
28. Хоц А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 51–80 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_11/06_%D0%A5%D0%BE%D1%86_51.pdf (11.09.2025). EDN: UXBKBR
29. Шор Р. Куртуазная литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. акад., 1931. Т. 5. Стлб. 757–771.
30. [Laur M., Tõnis L., Mäesalu A. et al.]. History of Estonia / [transl.: Anu Õunapuu et al.]. [Tallinn]: Avita, 2002. 335 p.
31. Raun T. U. Estonia and the Estonians. 2nd ed., supplemented. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, Stanford University, 2001. 366 p. (Ser.: *Studies of Nationalities* / Hoover Institution; no. 497.)

References

1. Alekseev M. P. *Literatura srednevekovoy Anglii i Shotlandii* [Literature of Medieval England and Scotland]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1984. 351 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. The Problems of Dostoevsky's Poetics. In: *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Bakhtin M. M. The Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, vol. 6: The Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works 1960–1970s, pp. 7–300. (In Russ.)
3. Bogdanov I. A. "Krasnyy kabachok," Tavern. In: *Sankt-Peterburg: entsiklopediya* [Saint Petersburg: Encyclopedia]. St. Petersburg, Moscow, The Russian Political Encyclopedia Publ., 2004. Available at: <https://encspb.ru/object/2855699979?dv=2853952566&lc=ru> (accessed on September 11, 2025). (In Russ.)
4. *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [Geopolitical Map and Worldview of F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. 288 p. Available at: https://www.rfbr.ru/view_book/3161/ (accessed on September 11, 2025). (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
5. Gogol' N. V. St. Petersburg Notes of 1836. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Gogol N. V. The Complete Works: in 14 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 8: Articles, pp. 177–190. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11 (the publication continues). (In Russ.)
8. Evlampiev I. I. F. M. Dostoevsky's Thesis "The World Will Be Saved by Beauty" and Its Religious and Cultural Origins. In: *Vestnik kul'turologii* [Herald of Culturology], 2021, no. 4 (99), pp. 23–43. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_47240566_70296761.pdf (accessed on September 11, 2025). DOI: 10.31249/hoc/2021.04.02. EDN: NHIWMW (In Russ.)
9. Zagidullina M. V. Kartuzov. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Writings, Letters, Documents: a Reference Dictionary]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 305–306. (Ser.: Dostoevsky and Russian Culture.) (In Russ.)
10. Isupov K. G. Dialogue of Capitals in Historical Movement. In: *Moskva — Peterburg: pro et contra: dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniya: antologiya* [Moscow — St. Petersburg: Pro et Contra: Dialogue of Cultures in the History of National Identity: an Anthology]. St. Petersburg, The Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2000, pp. 6–78. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
11. Kirikov B. M., Kirikova L. A., Petrova O. V. *Nevskiy prospekt. Dom za domom* [Nevsky Prospect. House by House]. Moscow, St. Petersburg, Tsentrpoligraf Publ., Russkaya troyka-SPb Publ., 2013. 413 p. (In Russ.)
12. Konechnyy A. M. F. M. Dostoevsky's Trips to Reval. In: *Al'manakh bibliofila* [The Bibliophile's Almanac]. Moscow, Kniga Publ., 1983, issue 15, pp. 126–133. (In Russ.)
13. Konshina E. N. From the Editor. In: *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym arkhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks No. 1 and No. 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks No. 2 and No. 3)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, pp. 13–31. Available at:

- <https://djvu.online/file/R4ztxUvA7pLnP?ysclid=mipqnt9rjb17898275> (accessed on September 11, 2025). (Ser.: Russian Memoirs, Diaries, Letters, and Materials.) (In Russ.)
14. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [The Collected Works: in 4 Vols]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014, vol. 2: Poems. 1828–1841. 704 p. (In Russ.)
  15. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskiy proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 536 p. (In Russ.)
  16. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside Thinking Worlds. Human — Text — Semiosphere — History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)
  17. Lukashev M. N. "Pushkin Taught Me to Box...". In: *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Chronicle of the Pushkin Committee]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, issue 24, pp. 83–96. Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v91/v91-083-.htm> (accessed on September 11, 2025). (In Russ.)
  18. Mochul'skiy K. V. Dostoevsky's "The Short Novel of Captain Kartuzov". In: *Russkie zapiski [Annales Russes]*. Paris, 1939, no. 14, pp. 75–98. Available at: <https://emigrantika.imli.ru/images/pdf/rus-zap14.pdf> (accessed on September 11, 2025). (In Russ.)
  19. Pushkin A. S. The Bronze Horseman: the Petersburg Story, 1833. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 4: Poems. Fairy Tales, pp. 273–288. (In Russ.)
  20. Serman I. Z. Captain Lebyadkin's Poems and Poetry of the 20th Century. In: *Revue des études slaves*. Paris, 1981, vol. 53, section 4, pp. 597–605. Available at: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1981_num_53_4_5173 (accessed on September 11, 2025). (In Russ.)
  21. Smolitskaya O. V. Courtly Love. In: *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow, The Russian Political Encyclopedia Publ., 2003, pp. 253–255. (Ser.: Summa Culturologiae.) (In Russ.)
  22. Tikhomirov B. N. Metamorphoses of One Literary Name: About the Origin of the Surname of the Title Character of Dostoevsky's Unrealized Plan ("Kartuzov"). In: *Tikhomirov B. N. "...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom": stat'i i esse o Dostoevskom* [Tikhomirov B. N. "...I Deal with This Mystery Because I Want to Be Human": Articles and Essays on Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2012, pp. 326–341. (Ser.: Library of the Almanac "Dostoevsky and World Culture".) (In Russ.)
  23. Tikhomirov B. N. The Fable "Lived a Cockroach in the World..." of Capitan Kartuzov's/ Lebyadkin's (the Contexts of Interpreting). In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 2017, no. 6 (67), pp. 600–603. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32235335_72043588.pdf (accessed on September 11, 2025). EDN: YKWMRE (In Russ.) (a)
  24. Tikhomirov B. N. "Zhil na svete tarakan...": stikhi F. M. Dostoevskogo i ego personazhey. "Vityaz' gorestnoy figur...": Dostoevskiy v stikhakh sovremennikov ["Once Upon a Time There Lived a Cockroach...": Verses of F. M. Dostoevsky and His Characters. "A Knight of a Grieving Figure...": Dostoevsky Through the Verses of His Contemporaries]. Moscow, Boslen Publ., 2017. 240 p. (In Russ.) (b)
  25. Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 616 p. EDN: VNJOIJ (In Russ.)

26. Ulanovskaya B. "Can the Sun Get Angry at an Infusorium...". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 1993, no. 1, part 3, pp. 67–83. (In Russ.)
27. Khodasevich V. F. Poetry of Ignat Lebyadkin. In: *Khodasevich V. F. Sobranie sochineniy: v 4 tomakh* [Khodasevich V. F. The Collected Works: in 4 Vols]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, vol. 2, pp. 194–201. (In Russ.)
28. Khots A. N. Structural Features of the Space in Dostoevsky's Prose. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 51–80. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/%D0%A2_11/06_%D0%A5%D0%BE%D1%86_51.pdf (accessed on September 11, 2025). EDN: UXBKBR (In Russ.)
29. Shor R. Courtly Literature. In: *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 Vols]. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1931, vol. 5, column 757–771. (In Russ.)
30. Laur M., Tõnis L., Mäesalu A., et Others. *History of Estonia*. Tallinn, Avita Publ., 2002. 335 p. (In English)
31. Raun T. U. *Estonia and the Estonians*. 2nd ed., supplemented. Stanford, California, Hoover Institution Press Publ., Stanford University Publ., 2001. 366 p. (Ser.: Studies of Nationalities. Hoover Institution; no. 497) (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наседкин Андрей Олегович, младший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8274-2790>; e-mail: andrei.nasedkin.spb@gmail.com.

Andrei O. Nasedkin, Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin-skiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8274-2790>; e-mail: andrei.nasedkin.spb@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.11.2025

Принята к публикации / Accepted 22.11.2025

Дата публикации / Date of publication 12.12.2025